ству, а находятся въ прямой и непосредственной зависимости отъ помѣщика, которому въ отношеніи ихъ и присвоется вся власть, предоставляемая сельскому начальству и начальнику общества. Дворовые дурнаго поведенія, бродяги, неплательщики и нерадивые могутъ быть отдаваемы въ рекруты въ зачетъ и безъ зачета, по приговору общества, утвержденному помѣщикомъ. Дворовые за неповиновеніе помѣщику, подвергаются по требованіямъ его, взысканіямъ общими полицейскими мѣрами. Уплата за дворовыхъ людей казенныхъ податей и повинностей возлагается на обязанность помѣщика. Помѣщикъ срочно-обязаннаго періода сохраняетъ право, по своему усмотрѣнію, назначать дворовыхъ людей въ личную прислугу къ себѣ и своему семейству, опредѣлять къ какой-либо должности по хозяйству, возлагать отправленіе разныхъ работъ и отпускать на оброкъ по письменнымъ видамъ. Дворовые обязаны уплачивать помѣщику оброкъ или получая отъ него содержаніе и вознагражденіе, должны отправлять возлагаемыя на нихъ обязанности и работы. Размѣръ оброка зависитъ отъ обоюднаго соглашенія или же налагается по усмотрѣнію помѣщика, но не свыше опредѣленной комитетомъ суммы. Опредѣленіе размѣра ежегоднаго оброка должно быть соразмѣрно выкупной суммѣ, распредѣленной на года срочно обязаннаго періода съ причисленіемъ къ оброку процентовъ на разсроченную выкупную сумму. Дворовые люди незаплатившіе оброка, по желанію помѣщика, возвращаются вновь на службу при имѣніи и лишаются права на полученіе жалованья. Находящіеся при домѣ помѣщика дворовые люди пользуются отъ него помѣщеніемъ, отопленіемъ, пищею и одеждою. Тѣ же изъ нихъ, которые занимаютъ какія-либо должности, получаютъ опредѣленное жалованье. Дворовые, состоящіе на мѣстномъ положеніи, получаютъ въ мѣсяцъ на каждаго взрослаго, считая отъ 15 лѣтъ ржаной муки $1\frac{1}{2}$ пуда, крупъ 2 гарнца, отъ 15 до 10 лѣтъ—1 пудъ 10 ф. ржаной муки и крупъ 1 гарнецъ, отъ 10 лѣтъ до 3-хъ, 1 пудъ ржаной муки и $\frac{1}{2}$ гарнца крупъ. Находящіеся же на застольномъ содержаніи получаютъ пищу здороваго качества и въ достаточномъ количествѣ. Помѣщику, кромѣ того, вмѣняется въ обязанность дворовыхъ людей, состоящихъ у него въ услуженіи и при должностяхъ снабжать слѣдующею одеждою: мущинамъ—полушубокъ овчинный, на 3 года, кафтанъ и шаровары изъ крестьянскаго сукна на 2 года и ежегодно на 3 рубашки и лѣтніе панталоны замашняго холста 25 арш.; женщинамъ: овчинная шуба на 4 года, комнатнымъ женщинамъ ежегодно 2 верхнихъ платья и на рубашки по 20 арш. замашняго холста, прочимъ женщинамъ по 2 сарафана и свиту изъ крестьянскаго сукна на 2 года. Тѣ же дворовые люди, которые пользуются огородомъ и дозволеніемъ отъ помѣщика на его корму имѣть 1 корову и 5 овецъ на семью, одежды не получаютъ. На время срочно-обязаннаго положенія помѣщику предоставляется увольнять дворовыхъ семействами и отдѣльными лицами съ выкупомъ или безъ выкупа, лишь бы увольняемое лицо или одинъ изъ семейства увольняемаго имѣлъ не менѣе 18 и не болѣе 55 лѣтъ и былъ способенъ къ работѣ.

Курскій комитетъ для дворовыхъ людей установилъ выкупъ. Для выкупа всѣхъ дворовыхъ—мущинъ и женщинъ комитетъ раздѣлилъ на 3 разряда. Къ первому онъ отнесъ обученныхъ особеннымъ искусствамъ и мастерствамъ, музыкантовъ, учениковъ земледѣльческихъ школъ, ученыхъ фельдшеровъ, ученыхъ садовниковъ, искусныхъ поваровъ, машинистовъ, селитроваровъ, сахароваровъ, ученыхъ наѣздниковъ, портныхъ и т. д. Вышепоименованные дворовые люди въ продолженіе 6 лѣтъ непремѣнно должны оставаться въ услуженіи помѣщика. По истеченіи этого срока, если пожелаютъ пріобрѣсти свободу, должны внести за исключеніемъ пятой части, остальную сумму стоимости ихъ образованія.

Ко второму разряду причисляются дворовые обученные какому-либо ремеслу дома или отдаваемые мастерамъ для обученія въ годы: садовники, винокуры, пивовары, столяры, бондари, кузнецы, портные, портнихи и др. Они вносятъ за себя при выкупѣ—мущины 200 р., а женщины 60 руб.

Въ основаніе постановленій о дворовыхъ курскимъ комитетомъ принято измѣненіе тѣхъ положенія настолько, насколько оно должно быть согласно съ понятіемъ о срочно обязанной ихъ службѣ помѣщикамъ. Курскій комитетъ въ своемъ проэктѣ утверждаетъ, что размѣръ ежегоднаго оброка опредѣленъ съ возможною умѣренностью, точно также и мѣры взысканія, предоставляемыя или приговору общества или въ случаяхъ болѣе важнымъ мѣстному начальству. Затѣмъ жалованье и содержаніе дворовыхъ, дѣлаясь отнынѣ обязательнымъ для помѣщика на все переходное время, назначены комитетомъ примѣнительно какъ къ количеству слугъ, нуждающихся и теперь въ мѣстахъ служенія, такъ и самыхъ обязанностей ихъ. При чемъ, говоритъ комитетъ, нельзя было не принять въ соображеніе и того, что до сихъ поръ у весьма немногихъ помѣщиковъ, домашняя прислуга пользовалась жалованьемъ; но оно считалось не обязанностью, а скорѣе наградою за службу со стороны помѣщика. Наконецъ, имѣя въ виду постепенное освобожденіе дворовыхъ людей въ теченіе срочно-обязаннаго періода отъ всякой обязательной службы, составлены, какъ говоритъ комитетъ, правила и способы перехода дворовыхъ въ свободныя сословія, допустивъ къ тому *всѣ мѣры облегченія*, какія только вправѣ комитетъ былъ постановить, не подвергая на первое время затрудненіямъ и самихъ помѣщиковъ.

Положенный денежный взносъ за отчужденіе обязательной службы дворовыхъ помѣщику назначенъ, по словамъ курскаго комитета, въ пропорціи умѣренной, сообразно должности и способности каждаго лица. При этомъ случаѣ въ видахъ поощренія для тѣхъ изъ дворовыхъ, которые съ успѣхомъ обучались какому-либо ремеслу или искусству опредѣлить: съ взносимой или выкупной суммы помѣщику, оставлять пятую часть въ пользу освобождаемаго. По точному смыслу справедливости, предоставлено владѣльцамъ увольнять только тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые въ состояніи прокормить и содержать себя съ семьею. Всѣ престарѣлые и увѣчные равно вдовы и сироты немогущіе себѣ снискивать пропитаніе предоставляются попеченію помѣщика. Постановляя это, комитетъ имѣлъ въ виду не обременять ни общества ни правительства заботою о людяхъ, требующихъ призрѣнія, предоставивъ обязанность пещись о таковыхъ самимъ помѣщикамъ, призрѣвая однихъ до смерти, а другихъ до совершеннолѣтія.

Вообще—говоритъ курскій комитетъ, постановленія о дворовыхъ мы старались развить въ мѣрахъ постепенности, необходимой сколько для освобождающихся, недостаточно еще приготовленныхъ къ переходу въ свободное состояніе, сколько же и для самихъ владѣльцевъ, не лишая ихъ разомъ необходимой на первое время прислуги.

Анатолій Танковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Его автобіографія въ «Русской Старинѣ» и воспоминанія о немъ его знакомыхъ.

(Окончаніе *).

Въ сентябрѣ 1867 г. А. Г. оставилъ консерваторію, разойдясь во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами; «притомъ,—замѣчаетъ о себѣ А. Г.,—я, дѣйствительно, человѣкъ темперамента пылкаго, да и крутъ; я горячо все беру къ сердцу, потому что горячо люблю самое дѣло»... «Какъ въ бытность въ консерваторіи, такъ и послѣ во всю жизнь я продолжалъ давать концерты. Давалъ ихъ повсюду въ Европѣ; не довелось быть только въ Румыніи, Греціи и Турціи. Относительно благотворительныхъ концертовъ довелось давать ихъ также не мало, но тутъ замѣчу одну особенность нашего русскаго общества. Въ Россіи вообще часто доводилось мнѣ давать концерты въ пользу учащихся и притомъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ ни одного разу не довелось этого дѣлать за предѣлами Россіи, и не пришлось потому, что съ таковыми просьбами не обращались ко мнѣ... Тамъ заграницей, когда я давалъ концерты съ благотворительною цѣлью, то это обыкновенно было въ пользу бѣдныхъ обитателей того или другого города, либо по случаю какого либо мѣстнаго бѣдствія, либо въ пользу фонда артистовъ и т. п., но въ пользу учащихся нигдѣ, кромѣ Россіи, мѣня никогда не просили играть».—Редакція *Русск. Старины* по этому поводу замѣчаетъ, что по собраннымъ ею справкамъ, по приблизительному разсчету, Антономъ Григорьевичемъ собрано только въ Россіи и лишь со времени основанія консерваторіи около 300,000 руб. съ благотворительныхъ его концертовъ и отдано имъ на добрыя дѣла и учрежденія или въ пользу бѣдныхъ.

Въ 1872 г., вмѣстѣ съ скрипачемъ покойнымъ Г. Венявскимъ, А. Г. принялъ приглашеніе одного антрепренера сдѣлать артистическое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Въ пользу А. Т. было выговорено 200,000 франковъ. Этотъ заработокъ положилъ основаніе матеріальному обезпеченію А. Г., котораго раньше у него не было. Но гонораръ этотъ стоилъ большихъ трудовъ. На извѣстное время А. Г. поступилъ въ полное распоряженіе антрепренера. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ пребыванія въ Америкѣ, онъ 215 разъ выходилъ на эстраду. Случалось, что концерты давались два—три раза въ день. «Все это было на столько тяжело,—вспоминаетъ А. Г.,—что я просто сталъ презирать и себя и искусство; все время собой былъ недоволенъ, такъ-что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объѣздъ Америки, причемъ предлагали гонораръ въ полмилліона марокъ за это музыкальное путешествіе, я на отрѣзъ отказался». Вспоминая о своемъ путешествіи, А. Г. дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно музыкальности различныхъ народовъ. «Хотя въ Германіи теперь преобладаетъ патріотизмъ..., да и вся сила германцевъ нынѣ, увы, въ штыкахъ и единствѣ, тѣмъ не менѣе Германія все-таки, по моему мнѣнію, остается самою музыкальною въ свѣтѣ націею. Да вотъ какъ: если взять счетъ понимающихъ музыку процентами на 100, то число нѣмцевъ равняется 50%, французовъ—16%, англичане (самая немузыкальная часть всего человѣческаго рода)—2%. Даже американцы гораздо болѣе англичанъ понимаютъ и любятъ музыку... Говорю это съ полнымъ безпристрастіемъ, ибо въ Англіи я всегда находилъ лично для себя самый радушный пріемъ... Собственно же музыка существуетъ только въ Германіи—именно музыка высокая... Истинное пониманіе высшихъ музыкальныхъ произведеній нигдѣ, кромѣ Германіи... Въ общемъ же, при нынѣшнемъ въ Европѣ преобладаніи бисмарковщины съ одной стороны, вагнеровщины съ другой, когда всѣ идеалы стали вверхъ ногами,—для музыки—я говорю о музыкальномъ творчествѣ—положительно насталъ критическій моментъ! Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество, повторяю, кончилось. Съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло,—на долго ли не знаю!»

Далѣе А. Г. говоритъ о своихъ операхъ, которыя ставились въ Россіи обыкновенно позже, чѣмъ заграницей, и нѣкоторыя скоро снимались съ репертуара, о своихъ историческихъ концертахъ, данныхъ—по семи въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ, и по три—въ Дрезденѣ и Брюсселѣ, причемъ въ первыхъ семи городахъ каждый историческій концертъ былъ данъ вдвойнѣ, одинъ разъ для публики и на другой день для учащихся въ области музыки. «Пріемомъ публики и вообще успѣхомъ,—замѣчаетъ А. Г.,—повсюду я вполнѣ былъ доволенъ; на физическое утомленіе я никакъ не могу жаловаться, я его не испытывалъ; не могу жаловаться и на свою память—многое изъ того, что я игралъ на этихъ концертахъ, изучалъ я съ самаго моего дѣтства. На изученіе остальнаго, что я игралъ впервые, и довольно много, мнѣ оказалось достаточно одного лѣта...»

Въ Началѣ 1887 г. А. Г. сталъ опять во главѣ петербургской консерваторіи и тогда же, въ мартѣ, внесъ въ русское музыкальное Общество записку объ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей и концертовъ, «дабы давать возможность, съ одной стороны, творческимъ силамъ новыхъ русскихъ художниковъ выступать со своими произведеніями, а съ другой—публикѣ пользоваться и наслаждаться тѣми музыкальными дарованіями, которыя выдвигаются изъ нашихъ консерваторій». Къ тому же 1887 году относится проектъ А. Г. новаго устава

* Продолженіе См. № 90 Курск. Губ. Вѣд.